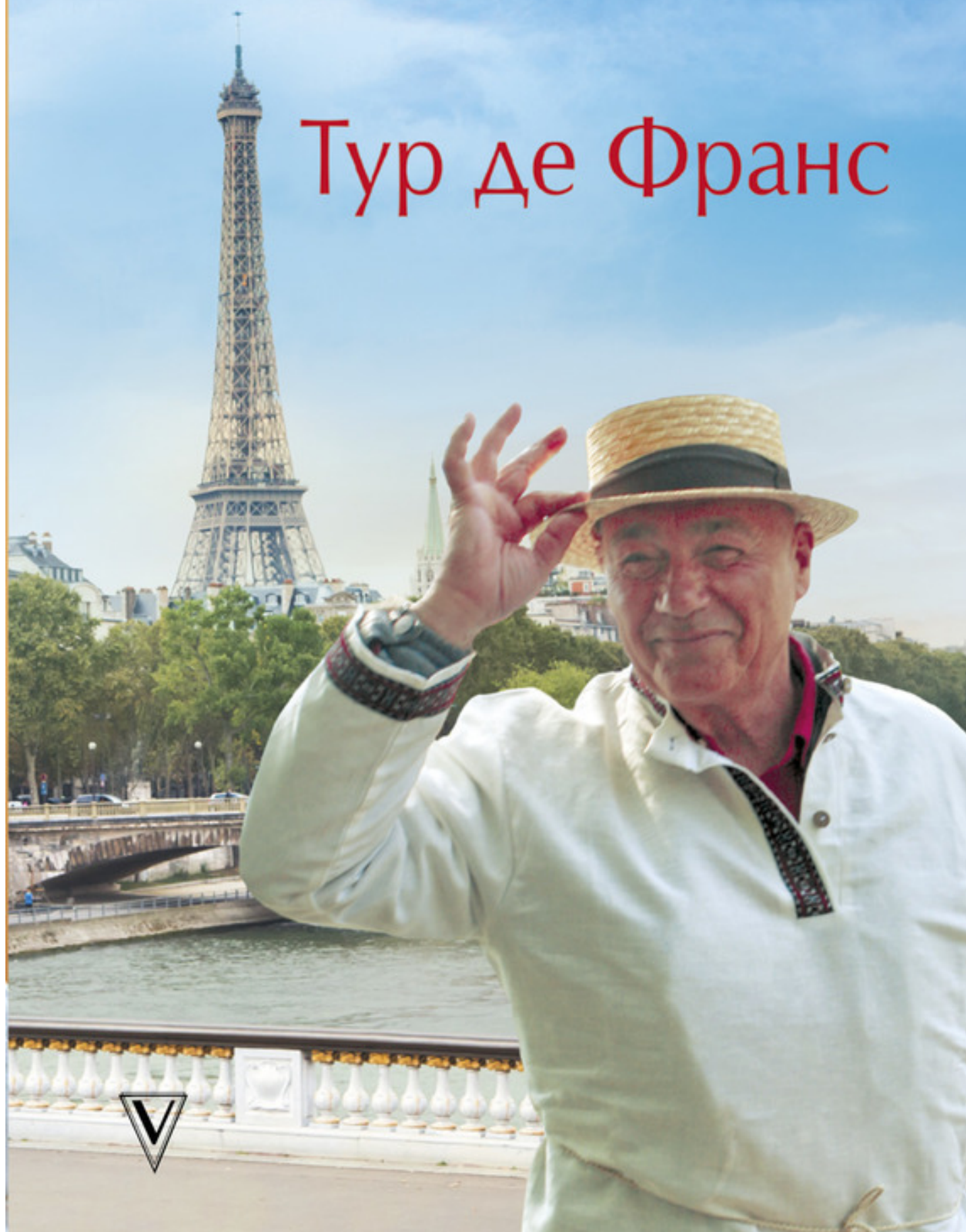

Владимир Познер

Тур де Франс

Владимир Познер

**Тур де Франс. Путешествие по
Франции с Иваном Ургантом**

«Издательство АСТ»

2017

УДК 908(44)
ББК 26.89(4Фр)

Познер В. В.

Тур де Франс. Путешествие по Франции с Иваном Ургантом /
В. В. Познер — «Издательство АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-106344-3

Что может быть лучше бокала «Шато Лагретт» и книги Владимира Познера о большом путешествии с Иваном Ургантом по Франции, которую они исколесили на машинах и велосипедах – от Парижа до провинциальных городков! Все самое интересное и вкусное о стране, которая невероятно близка нам по духу. Французская кухня и вина, кино и женщины, замки и рыбацкие деревушки. Читая книгу, вы испытаете на себе то, что называется «французским парадоксом», узнаете о самых колоритных традициях и о том, что же такое сегодняшняя Франция. Говорят, быть французом – значит защищать свое искусство жить. Так оно и есть...

УДК 908(44)
ББК 26.89(4Фр)

ISBN 978-5-17-106344-3

© Познер В. В., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Что-то вроде предисловия	6
Глава 1. Замки Луары	18
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Владимир Познер
Тур де Франс. Путешествие по
Франции с Иваном Ургантом

© Познер В.В., 2017

* * *

Что-то вроде предисловия

Когда в 2006 году я и мои товарищи приступали к подготовительной работе по съемкам фильма «Одноэтажная Америка», я не знал ровно ничего. Получится или не получится? Покажут или не покажут? Буду ли доволен результатом я сам?

Фильм вышел на экране Первого канала в 2008 году и прошел с большим успехом, хотя приняли его далеко не все. Мои коллеги по Академии российского телевидения возможным не только наградить эту работу, но даже выдвинуть ее в состав трех финалистов, претендовавших на ТЭФИ. Но была и радость: фильм был удостоен НИКИ Киноакадемии.

И все же одного тогда я не знал. Я не знал, что сам процесс создания документального фильма – это нечто, похожее на наркотик. Ты сам не замечаешь, как медленно-медленно западаешь на это, как оно исподтишка забирает тебя. И вот, когда все было позади, когда жизнь вновь вошла в привычное русло, я стал испытывать какой-то дискомфорт. Я понял, что мне чего-то не хватает.

Помню, однажды Белла Ахмадулина назвала свою работу «сладостной мукой». Так можно сказать о любом творчестве. В том мука, что, как бы ты ни старался, ты никогда не достигнешь того, к чему стремился; сладость же – в самом стремлении. Испытав однажды это чувство, ты вновь и вновь ищешь встречи с ним.

Документальный фильм «Тур де Франс» не планировался: уж больно тяжело далась «Одноэтажная...», слишком уж много она забрала сил. Но сколько было радости, сколько было счастья!

Был, конечно, и еще один момент. Для меня работа над «Одноэтажной...» была своего рода «трудом любовным». И не только потому, что Америка для меня родная страна, нежно любимая. И не только потому, что мне так хотелось показать россиянам *мою* Америку, столь разительно отличающуюся от той, которую обычно показывают по нашему телевидению, которую описывают на страницах газет, журналов и книг, которую иные шельмуют с эстрады. Но еще и потому, что я давно, почти тридцать лет, мечтал повторить путешествие Ильи Ильфа и Евгения Петрова, авторов одной из лучших книг, когда-либо написанных об этой стране, «Одноэтажной Америки».

Но ведь родился-то я не в Америке, а во Франции! Моя мать была француженкой, дома мы говорили только по-французски, да и весь уклад был французским. Я люблю Францию ничуть не меньше, чем Америку, и пусть в России антиамериканизма на порядок больше, чем франкофобии, мне было важно средствами документального кино заставить российского зрителя увидеть Францию не внутри ходульной схемы «бонжур-тужур-лямур», а реальной, прекрасной и желанной.

Сейчас, когда я пишу эти слова, фильм находится в стадии монтажа. И я вновь не знаю, получится или нет? Но вы, взяв в руки эту книгу, уже знаете ответ на этот вопрос. И значит, вам виднее.

Последует ли за «Туром...» еще один фильм?

Кто знает?..

QUI ИЗ КТО И КТО ИЗ QUI

Все понимают, что фильм – это дело коллективное. Авторы книг считают необходимым предварять свои произведения благодарственным списком, иногда коротким, а чаще очень нудным и длинным. Я неизменно задаюсь вопросом, читая перечисления этих фамилий: а кто это, а кто этот имярек? Как он или, может, она выглядит? Какой у него или у нее характер? А

ведь это несправедливо: если человек так сильно помог тебе, что ты счел необходимым публично и печатно признаться в этом, то можно было бы и рассказать о нем чуть-чуть.

Одному, будь ты хоть семи пядей во лбу, кино не сделать. Поэтому я хочу представить вам, читателям, всю нашу команду в алфавитном порядке. И представить не в виде списка фамилий, которые никому ничего не скажут, а как реальных людей. Итак...

Олег БРАУН – водитель второй части поездки (сентябрь – октябрь 2009 г.). Сам из Воронежа, музыкант, то ли басист, то ли ударник – не помню. Там познакомился с француженкой. Поженились, переехали во Францию. Сделал своей жене четырех сыновей. Поскольку она работала, а он – нет, был домохозяином. Человек немногословный, курящий, рукастый, услужливый, читающий. Не очень общительный. Вроде как непьющий. Не проявлял почти никакого интереса к тому, что мы делали. Когда мы уходили на съемки, все время оставался в машине, хотя его звали. Внешне довольно симпатичный – высокий, хорошо сложен, брюнет. У нас создалось впечатление, будто за все время поездки не сменил ни брюк, ни обуви, ни рубашки. Может, у него было несколько совершенно одинаковых комплектов. В работе безотказен и точен. Фамилия Браун – от поволжских немцев-предков.

Робен ДИМЭ (DIMET Robin) – француз; небольшого росточка, худой, шатен, носит бородку и очки. Мой персональный крест. В «Одноэтажной...» в качестве «американского голоса» фигурировал мой друг Брайан Кан. Он не говорил по-русски, что не имело значения, поскольку Ваня Ургант прилично говорит по-английски и еще лучше понимает его. Зато Брайан *говорит*. Много. И толково. Но Ургант по-французски не говорит и ни слова не понимает. Значит, мне нужен был «французский голос», который мог бы по-русски высказывать «французский взгляд» по тому или иному поводу. Еще на раннем, подготовительном этапе я ездил в Париж, чтобы подобрать этот «французский, но говорящий по-русски голос». В этом мне помогала жена Олега Брауна Элизабет Браун, работавшая в организации «Франскультур». Элизабет, кстати говоря, прекрасно говорит по-русски. И при этом совершенно очаровательна: иссиня черные волосы, матово-белая кожа, тонкие черты лица, изящна, умна, остроумна – словом, прелесть. Но Элизабет никак не могла отлучаться из дома на два месяца, что требовалось от «французского голоса». И вот в одном полузальчике гостиницы «Риц», что стоит на Вандомской площади, она устроила мне собеседование и прослушивание кандидатов на «французский голос». И из всех я выбрал Робена. Как это получилось – ума не приложу! То ли мне показалось, что он прилично говорит по-русски, то ли меня пленило то, что он сам начинающий кинодокументалист и к тому же успел снять одну картину, то ли... не знаю. Словом, выбрал – на свою голову. Во-первых, оказалось, что он очень плохо говорит по-русски, настолько плохо, что не способен выразить даже самую скучную свою мысль. Во-вторых, и мыслей особых я у него не обнаружил. Ни по одному из обсуждаемых или увиденных нами предметов у Робена не было никакой точки зрения. В общем, мы расстались с ним на половине пути. Не то что без сожалений – с облегчением!

Анна КОЛЕСНИКОВА, линейный, а затем исполнительный продюсер. Попробуйте представить себе женщину лет двадцати восьми, высокого модельного роста, с хорошей фигурой. Представили? Пошли дальше: волосы темные, кудрявые, обычно в лирическом беспорядке, темные брови на довольно бледном лице, карие глаза. Есть? Далее: сочные и обычно смеющиеся губы. И слова сыплются, почти никогда не останавливаясь. Аня Колесникова умеет говорить не только на выдохе, но и на вдохе, да на такой скорости, что диву даешься. При этом, как правило, говорит толково, высказывая эрудицию, юмор и ум. Точна, ответственна. Если поймана на ошибке, будет выкручиваться до последнего, но поняв, что не выкрутилась, потупит очи долу и скажет: «Извините, я постараюсь это исправить».

И еще: Аня одевается... как бы это вам сказать? Слово «мало» не слишком подходит, но все-таки оставим так: Аня одевается мало. Понятное дело, наши съемки проходили в основном летом, было жарко, все мы одевались легко. А Аня одевалась мало. Как хотите, так и думайте.

Работала же она много и хорошо, почему и выросла от продюсера линейного до продюсера исполнительного. Да, если вы этого еще не поняли, добавлю: очень хороша собой.

Иван Ургант, Владимир Познер и дамы их сердец – Наталия Кикнадзе и Надежда Соловьева

Владимир КОНОНЫХИН. Член нашей «американской» команды, о котором в книжке «Одноэтажная Америка» я написал: «Человек поразительного спокойствия, молчаливый, от

которого веяло необыкновенно приятной уверенностью. Все, что он делал, делалось точно и надежно. Невысокого роста, чуть полноватый, Кононыхин был всеобщим любимцем. Именно он придумал, как крепить камеры на кузов нашего джипа на хитроумных присосках так, чтобы на любой скорости и при любых погодных условиях они стояли столь же твердо и неизменно, как Гибралтар». Добавить к этому нечего. Каким он был, таким остался. Работать с таким человеком – сплошное удовольствие. Совершенно русский во всем, кроме одного: никогда не жалуется, никогда не говорит «нет», не пьет и всегда в хорошем настроении.

Салман МУРТАЛАЗИЕВ. Водитель первой половины нашей поездки – с мая по июль 2009 г. Чеченец, проживающий во Франции вот уже восемь лет. В группе ощущался явный дефицит французского языка, которым владели только Аня (хорошо), Маша (средне) да я, а потом присоединившийся к нам Олег. Нам необходим был водитель, говорящий по-французски. Салмана нам порекомендовала Маша Нестеренко. Человек безотказный, приветливый, старательный. И какой-то неприметный. Мне даже трудно вспомнить, как он выглядел. Роста среднего, худощавый, лысоватый. Лицо... незапоминающееся. Должен был присоединиться к нам и во второй части поездки, но исчез. Звонили ему на все известные нам телефоны, но безуспешно: телефоны молчали. Исчез. Может быть, это было связано с тем, что мы расстались с Машей?

Мария НЕСТЕРЕНКО. Исполнительный продюсер в первой половине нашей поездки, с которой ни у меня, ни у съемочной группы в целом не сложились отношения. Этим ограничусь.

Юрий ОДНОПОЗОВ. Вот о ком можно было бы написать отдельную главу! Он возник по рекомендации Валерия Спирина, режиссера фильма «Одноэтажная Америка», который, к нашему большому сожалению, с нами поехать не смог. Итак: роста он среднего, телосложения плотного. Крупная голова с редкими черными волосами. Мощные надбровные дуги, из-под которых внимательно и чуть насмешливо смотрят черные глаза. Лицо приятное, с четкими, хотя и не крупными чертами. Прелестная, хотя появляется она редко, улыбка. Говорит Юра мало, к тому же говорит не столько словами, сколько руками. Пытается жестами прояснить смысл сказанного. Например, вот он машет руками: «Ну, надо... это... довести, чтобы...» – и не просто машет, руки у него в это время плывут по воздуху, как бы описывая, что стоит за этим маловразумительным предложением. Вегетарианец. Лучше помрет от голода, нежели съест что-нибудь животного происхождения. В случае необходимости может работать круглосуточно. О том, как одевается Юра, хочется сказать отдельно. Обычная его форма во Франции была такой: рваные джинсы, кроки фиолетового цвета, расписной T-Shirt. Эти предметы не снимались никогда. Шли ли съемки в театре, в здании Национальной ассамблеи Франции – это было неважно. И еще: Юра совершенно неконфликтный человек, всегда старается найти общий язык со всеми, никогда не повышает голос. И наконец, превосходный режиссер. Но, при всем при этом, «вещь в себе», человек, живущий сугубо по собственным стандартам. Вы бы назвали своего сына Будимиром? А он назвал. Что будет с мальчиком, когда он пойдет в школу, даже боюсь подумать. И еще: над Юрой много шутили, в ответ на что он мягко улыбался и только. Упрям до умопомрачения.

Однопозов, Кононыхин, звукооператор Станислав Толстиков и Черняев – одна из многих трапез

Ответственный продюсер Мария Нестеренко, Мурталазиев и Анна Колесникова

Евгений ПЕРЕСЛАВЦЕВ, оператор. Точнее сказать, оператор-разведчик. Где бы и когда бы мы ни снимали, не было такого случая, чтобы Женя не исчез в поисках чего-нибудь особенного. Операторам вообще свойственно лезть туда, куда не рекомендуется, но Женя даже среди операторов слыл бы рискантом. Я бы выделил его косу и любовь демонстрировать свой оголенный и весьма мускулистый торс. Женя, как и все операторы, чуть ироничен, абсолютно убежден, что разбирается во всем лучше всех, и потому категоричен в суждениях. И работает как зверь.

Надежда СОЛОВЬЕВА. Генеральный продюсер, без которой не было бы ни «Одноэтажной...», ни этого фильма. Была с нами лишь урывками, поскольку по работе должна была уезжать в Москву. Но дух ее витал над нами постоянно, поскольку ожидали ее приездов с душевным трепетом, смысл которого можно разъяснить гоголевским «К нам едет ревизор!». Надежда Юрьевна человек легкий, общительный и веселый, но если вы допустили какие-то оплошности в работе, за которую в итоге отвечает она, вас ожидает пренеприятный разговор. Из него вы узнаете массу любопытных вещей о себе – вещей, о которых вы сами и не догадывались.

Ирина ТИХОНОВА, администратор второй части поездки. Фамилия очень соответствует человеку: тихая, маленькая, худенькая, делала свое дело без лишних слов. И ускользающая, в частности, из моей зрительной памяти. Есть такие люди, ускользающие.

Станислав ТОЛСТИКОВ, звукорежиссер. Фамилии своей он совершенно не соответствует: более худого человека я в жизни не видел. Не телосложение, а теловычитание. В своем деле совершенный профессионал, но при этом абсолютно не назойливый. Сочетал предельную вежливость с неуступчивой требовательностью во всем, что касалось его работы. Кроме того, часто бывает так, что профессионал интересуется только своим делом, его больше ничего не волнует, а Стаса всегда отличало любопытство, о чем бы ни шла речь. Не было французского блюда, которое он бы ни попробовал, не было сыра или вина, мимо которого он прошел бы равнодушно. Человек, как мне показалось, с врожденным вкусом.

Наша группа: Переславцев, Кононыхин, Ургант, я, Однопозов, Толстиков, Жанин Маркудзи (наш гид), Робен Димэ (наш не слишком удавшийся «французский голос»)

Иван УРГАНТ, соведущий. Об Иване много писать не буду. Он, пожалуй, стал самым узнаваемым и популярным человеком на российском телевидении, так что вам всем он хорошо

известен. Скажу только, что он мой близкий друг, с которым и в американской, и во французской поездках я работал с наслаждением.

Владислав ЧЕРНЯЕВ, оператор-постановщик. Он тоже из «американской команды». В той книжке я написал: «Операторы – народ особый. Они, как правило, все видели и все знают. Прежде всего они знают, что самое главное – это картинка, то есть то, что они считают нужным снимать. Все остальное – это так, антураж». Как и в Штатах, Влад в течение всей поездки щеголял в каких-то полушортах, драных майках и сандалиях, которые явно видели лучшие дни. Человек неутомимый, требовательный, на все имеющий свой взгляд и свое мнение. Тоже, как и Переславцев, любитель ходить с голым и вполне привлекательным торсом.

Артем ШЕЙНИН, линейный продюсер. Кличка – Сержантик. На самом деле гораздо больше, чем линейный продюсер. Был приглашен во вторую часть поездки на место Нестеренко с тем, чтобы навести порядок в несколько разболтавшейся группе. И навел. Я работаю с Артемом вот уже около десяти лет в программах «Времена» и «Познер». На фильме «Одноэтажная...» тоже были вместе, поэтому вновь процитирую книжку: «Невысокого роста, но весьма плотного телосложения, казалось, что Артем, подобно танку, может без особых усилий пройти сквозь каменную стену... Бывший афганец, служивший в десантных войсках, бригоголовый Артем Шейнин наводил военный порядок среди нашего разношерстного контингента». Шейнин превосходно владеет английским и, узнав, что едет во Францию, усиленно стал учить французский. Стал довольно сносно объясняться за необыкновенно короткий срок. Совершенно потряс меня однажды, когда мы оказались в винном подвале: за одним из столиков сидела группа японцев, и Артем стал издавать какие-то японоподобные звуки. Я решил, что он сошел с ума и дразнит представителей Страны восходящего солнца. Не тут-то было! Оказалось, Артем говорит по-японски, чем потряс как японцев, так и всю съемочную группу!

Черняев пьет пиво. И это в стране лучших вин в мире!

Малоодетая Аня

Станислав Толстиков. Видимо, очень собой доволен

Черняев в Альпах

Володя Кононыхин. Мастер на все руки

Что ж, теперь, познакомив вас с нашей командой, приглашаю в путь, но с важной оговоркой: когда мы ехали по Америке, мы следовали маршрутом Ильфа и Петрова, повторяли их путешествие 1935–36-х годов. Они были нашими гидами. Поэтому не удивительно, что и книжка, вышедшая вслед за фильмом, строго придерживалась этого путешествия. Во Франции же у нас не было такого «путеводителя», нам самим надо было решать, куда едем и главное – зачем. Составляя план нашего тура¹, я исходил из того, в какой степени тот или иной город, тот или иной регион может помочь главному: раскрыть Францию и французов для российского зрителя. Но в этом случае совершенно не имела значения последовательность, в которой мы посещали различные места. Важным было то, в какой степени это место может приблизить нас к поставленной цели.

Так не удивляйтесь тому, что эта книжка построена без хронологического соответствия нашему путешествию. Здесь каждая глава посвящена не месту, а теме, раскрытие которой должно открыть для вас, читателей, нечто такое, без чего невозможно понять и почувствовать Францию и французов.

Итак, объяснив идею и принцип этой книги, приглашаю вас совершить с нами тур – не вальса, а по Франции. За мной, друзья, за мной!

Устали...

¹ На карте Франции (см. вклейку) отмечены все пункты нашего тура.

Ирина Тихонова. И вправду тихая и очень ответственная

Предупреждение с разъяснением

Эта книжка состоит из двух частей: собственно книжки и дневника, который я вел во время поездки, хотя и не слишком аккуратно. Книжка – это впечатления, рассуждения, обобщения. Дневник – это дневник, где поездка изложена в хронологическом порядке. Хотелось бы думать, что они дополняют друг друга. Что читать первым – не берусь сказать, оставляю это на ваше усмотрение.

И последнее. Дневник представлен вашему вниманию точно таким, как он был написан – без каких-либо поправок, украшений и тому подобное. Возможно, стоило бы пожертвовать подлинностью ради литературного выигрыша, но делать этого я не стал. Быть может, напрасно...

Глава 1. Замки Луары

Нет, не передать словами красоту замков долины Луары! Ни фотографиями не передать, ни киносъемкой. В голову приходят всякого рода сравнения, вроде «музыка в камне», уже набившие оскомину. На самом деле и они мало что передают.

В первый раз я увидел эти творения суровой зимой 1979 года – года для меня особого, когда после многолетнего, в полжизни, перерыва мне было разрешено выехать из Советского Союза на мою родину. Той зимой во Франции ударили вполне русские морозы. Ртуть в термометрах опустилась до двадцати градусов ниже нуля, и страна замерзла. Вспоминались слова:

«что русскому хорошо, то немцу смерть». Только «немцем» в этом случае были французы: насмерть замерзали не только клошары, не только бездомные, умирали даже в квартирах, стены которых покрывались тонким слоем наледи. Умирали не столько от реального холода, сколько от убеждения, что при таких морозах люди не живут...

Вместе с друзьями, французской супружеской парой, я поехал в долину главной французской реки Луары. Для французов она имеет такое же значение, как Волга для русских. Именно в ее долине выросли – и никто не может объяснить почему! – эти знаменитые замки, числом чуть более сорока. Некоторые из них возникли еще в раннем Средневековье и не раз были перестроены, другие – и таких большинство – были творениями Возрождения. И все они – громадные, но изящные, великолепные, но простые – стоят как живые памятники французской истории. Написал, и захотелось уточнить: они просты, как просты стихи Пушкина, в которых нет и намека на вычурность, из которых не вынуть ни одного слова. И здесь каждый камень на месте, не прибавить, не убавить.

Ехали мы на стареньком «Ситроене», и километрах в сорока от Парижа отказала печка. Сказать, что мы замерзли, значит не сказать ничего. Только и мечталось о том, как обогреться – пока перед нами не возник замок Шенонсо. Возник как виденье и почему-то в первый миг заставил меня подумать о миражах в пустыне. Но то был не мираж, то было гениальное творение архитекторов, оставивших о себе вечную память.

Приближаясь к Шенонсо, я думал о том далеком времени, когда люди строили так, будто перед ними вечность – да, собственно, так оно и было. Вспомнил звонницу Джотто во Флоренции: мастер спроектировал ее, видел начало ее строительства, но не дожил до его завершения. Но знал Джотто, точно знал, что он-то себя увековечил в камне. И что человек замрет, лишившись слов, перед этим творением, что он почувствует, если вообще способен чувствовать, и восторг, и благодарность, и гордость. Потому что звонница эта как бы говорит ему: вот, человек, на что ты способен, вот для чего тебе дана душа, дан мозг, вот кто ты есть в твоём лучшем проявлении.

Я пытался представить себе, о чем думали те сотни, если не тысячи, людей, которые строили Шенонсо. И вспомнил быль о моем коллеге-журналисте, который в XIII веке получил редакционное задание поехать на строительную площадку в Шартре, где возводился самый прекрасный – по крайней мере, на мой взгляд – собор в мире. Ему нужно было написать об этом репортаж. Он увидел человека, который возил тачку, наполненную строительным мусором.

– Что вы делаете, месье? – спросил журналист.

– Везу строительный мусор, – ответил тот.

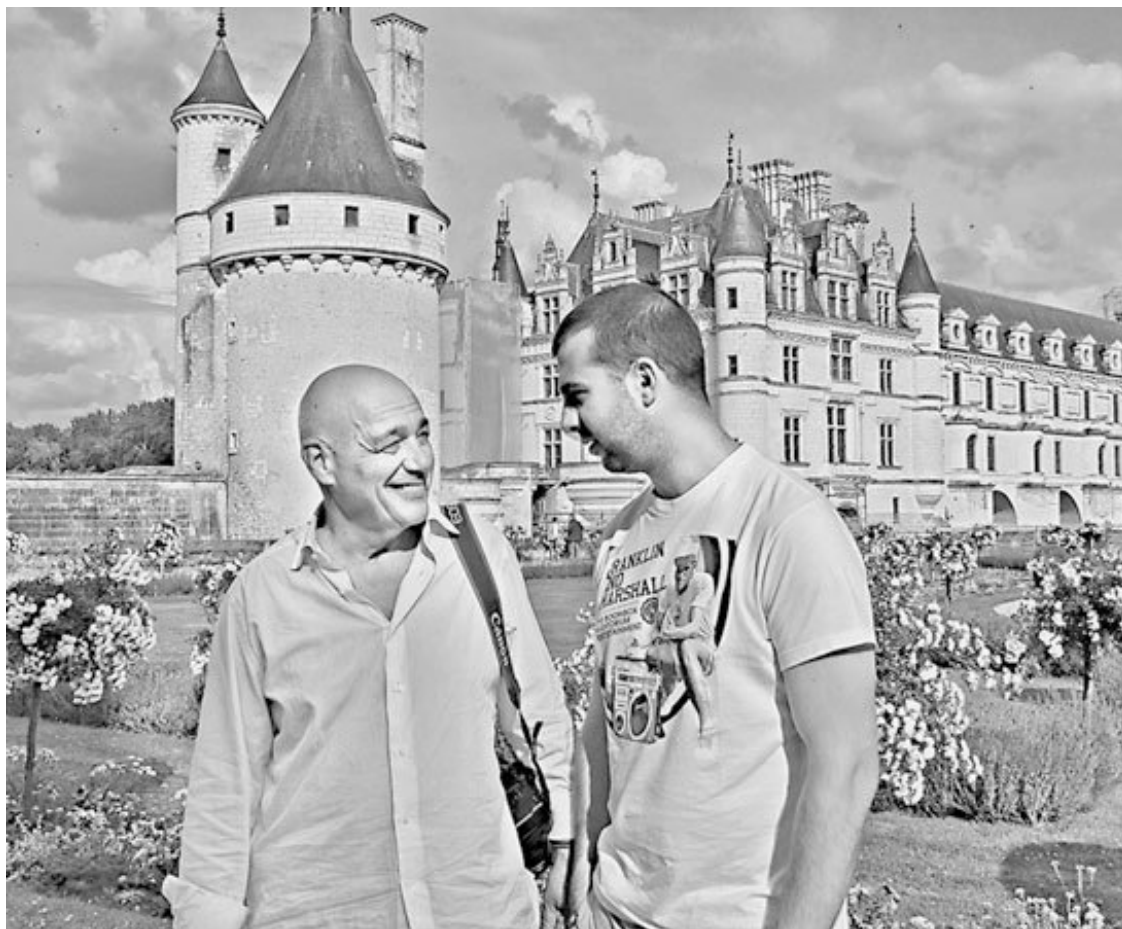
Журналист увидел человека, который нес на плече деревянную балку.

– Что вы делаете, месье? – спросил он.

– Несу балку, – ответил тот.

Замок Амбуаз, к которому мы подплываем

Мы на фоне замка Шенонсо

Журналист подошел к человеку, который разбивал камни тяжелым молотом.

– Что вы делаете, месье? – спросил он.

– Разбиваю камни, – ответил тот.

Журналист-летописец подошел к человеку, который подметал участок стройки.

– Что вы делаете, месье? – спросил он, уже ни на что не надеясь.

– Что я делаю? – ответил тот. – Я в Шартре строю самый прекрасный в мире собор.

Выйдя из машины и совершенно забыв о холоде, мы подошли к громадным деревянным воротам, усеянным железными коваными гвоздищами. Вокруг не было ни души. Ворота были закрыты, но мы постучались. В ответ гулко раздавалось эхо, которое уносило меня на столетия назад. Мне показалось, что в ответ откуда-то сверху, со сторожевой башни, нас окликнет человек в стальном шлеме и латах. Но нет, ворота распахнулись, и показалась фигура вполне обыденная. Чуть поклонившись, она жестом пригласила нас войти.

Как передать то чувство, которое я испытал? Сводчатые потолки уходили на десятки метров вверх, шаги гулко отражались от древних камней, и вместе с тем было ощущение тепла, какой-то домашности. Вещи, которые в принципе не сочетались, здесь сошлись воедино, создавая совершенно сказочное настроение. Я поймал себя на мысли, что остро завидую тем, для кого этот замок когда-то был домом – не из-за его великолепия, а потому, что человек, рожденный и живущий здесь, должен внутренне быть другим, с иным восприятием, с иными ценностями, с иным пониманием своего места в мире.

Летом 2009 года, во время наших съемок, я возвращался в Шенонсо с чувством тревожного ожидания. Как-то встретимся мы? Продолжится ли наш молчаливый диалог тридцатилетней давности? Не получится ли так, что в толпе туристов, наводняющей замок в летние месяцы, мы друг друга не услышим?

Правда, на сей раз я мог сказать: «Шенонсо, любовь моя, я не только тебя не забыл. Я узнал твою прекрасную, полную взлетов и падений историю. Когда-то на твоём месте стоял особняк, принадлежавший некоему Жану Марку. Тот особняк был сожжен в 1411 году, когда Марк был обвинен в предательстве. Через двадцать лет он построил новый замок на этом месте, а затем, годы спустя, его потомок Пьер, увязший в долгах, продал тебя Тома Боеру, отвечавшему за королевскую казну. Это было в 1513 году. Боер тебя разрушил и построил новый замок. Сын Боера, который по наследству сохранил должность королевского казначея, в какой-то момент перестал различать, где его деньги и где королевские. И когда это обнаружилось, ему было предложено либо лишиться головы, либо лишиться тебя. И он отказался от тебя в пользу короля Франциска I, после смерти которого в 1547 году ты стал собственностью его сына короля Генриха II. И вот тогда-то началось то, что принесло тебе название «Замок женщин». Генриха женили на Екатерине Медичи, когда ему – да и ей – было всего четырнадцать лет, но он к этому времени был по уши влюблен в прекраснейшую Диану де Пуатье. А ей было тридцать четыре.

Екатерина Медичи

Генрих II

Диана де Пуатье

Отвлекусь на одну пикантную деталь. В первую брачную ночь четырнадцатилетний Генрих был настолько равнодушен к супруге, что никак не мог исполнить свою супружескую обязанность – настолько, что его отцу, Франциску, пришлось вторгнуться в спальню новобрачных, чтобы взбодрить свое чадо. Наутро же в это дело вмешался римский папа, дядя Екатерины, который захотел лично, «глазом и пальцем», убедиться в потере ею девственности. В дальнейшем Генрих делил ложе со своей супругой только по настоянию Дианы, беспокоившейся об отсутствии королевского потомства. Екатерина же, страстно влюбленная в Генриха, шла на всяческие ухищрения, лишь бы добиться его расположения. И даже распорядилась, чтобы пробили дырку в потолке спальни Дианы, откуда она, Екатерина, смогла бы наблюдать за эротическими приемами последней. Но и после десяти лет супружества Екатерина оставалась бесплодной, что могло служить поводом для развода. В конце концов, лейбмедик королевского двора Фернель спас ее. Он знал, что Генрих страдал от деформации полового члена, из-за которой семя извергалось в сторону. Внимательно осмотрев королеву, он обнаружил и у нее некоторое

физическое отклонение. Фернель прописал супругам определенную гимнастику при соитии, которая оказалась чрезвычайно удачной: за последовавшие одиннадцать лет Екатерина произвела на свет десять (!) детей. Что, впрочем, не изменило отношения к ней супруга, который оставил ее вдовой всего лишь в сорокалетнем возрасте. История не приписывает ей ни одного любовника.

Точной даты начала романа Генриха и Дианы не знает никто, но предполагают, что это событие произошло в 1538 году, а когда девятью годами позже умер Франциск, то сын его, став королем Генрихом II, подарил тебя Диане, нарушив тем самым закон, который запрещал отчуждение королевских владений. Ты, Шенонсо, конечно, помнишь Диану, женщину непревзойденной красоты и ума. Годы были бессильны перед ее красотой – она не менялась. Каждое утро и круглый год она нагишом купалась в холоднющей ключевой воде, питалась особыми травами, не пользовалась никакими мазями. Вот как описал ее Пьер де Бурдейль Брантом, один из самых читаемых французских писателей эпохи Возрождения: «Я видел Диану шестидесяти пяти лет и не мог надивиться чудесной красоте ее; все прелести сияли еще на лице сей редкой женщины». Куда до нее было простушке Екатерине Медичи, как могла она противостоять ей! И она, супруга короля, с улыбкой на губах и ненавистью в сердце ждала своего часа. И дождалась. В 1559 году, едва достигнув сорокалетнего возраста, Генрих скончался от раны, полученной на рыцарском турнире, – и тут Екатерина, став регентшей, изгнала из твоих стен Диану и стала твоей полновластной хозяйкой. Собственно, ты оставался ее домом до самого конца ее жизни».

Вот такая драматическая история у Шенонсо, который встретил меня прекрасными садами и огородами, посаженными еще во времена Дианы. А той суровой зимой первой встречи их было не видать. Вновь посетив замок, я понял, что он ничуть не теряет в величии от сотен визитеров, заполнивших его залы, коридоры, переходы и башни. Более того, если закрыть глаза и прислушаться к стуку каблуков и шуршанию одежд, то можно унести в четыре или пять веков назад, и тогда перед твоим мысленным взором предстанет королевский двор, люди в ярких камзолах и конечно же неслыханно прекрасная Диана. Словом, оживет история... Хочу сказать вам, что во Франции она, история, никогда не умирает. Она даже не покрывается пылью...

Тогда, три десятилетия тому назад, мы навестили и другой замок на Луаре, Амбуаз. Это было, если мне не изменяет память, третьего января. Меня тянуло в Амбуаз потому, что здесь доживал свой блестящий век человек, которого я почитаю за величайшего из всех гениев. Леонардо да Винчи. Отвлеку вас на мгновение признанием, что я не завидую никому... кроме Франциска I. Это он купил у художника «Джоконду», которая ныне составляет славу Лувра, и это он пригласил к себе в замок Амбуаз Леонардо, которого он называл своим отцом и с кем каждый день подолгу беседовал об искусстве и философии.

Так вот, тогда, походив по замку и посетив часовню, где захоронены останки да Винчи, мы, замерзшие до мозга костей, зашли в кафе «Биго», расположившееся у самого подножья скалы, на которой высится замок. Кафе было пустым, если не считать самой семьи Биго – прабабушки, бабушки, хозяйки и ее мужа, да трех или четырех их детей. Все они сидели за большим круглым столом у пылающего камина и праздновали... новый, 1980 год: до этого такой возможности у них не было, поскольку они обслуживали новогодних гостей, потом сутки отсыпались. Они приняли нас с таким теплом, что даже не будь камина, мы все равно отогрелись бы мгновенно. Не верьте тем, кто говорят, будто французы негостеприимны, холодны и спесивы. Ложь это, ложь.

И теперь, когда мы с Иваном подходили к кафе, я рассказал ему о том давнем посещении, когда мне было сорок шесть лет, и задался вопросом, узнают ли меня, в чем он выразил серьезные сомнения. Вот мы вошли, и я подошел к хозяйке, стоявшей за прилавком. Не стану отвлекать вас описанием того, какие там красовались сладости, какие пирожные и торты, про-

изведения французского кулинарного гения не давали посетителю отвести от себя глаза... Я сказал: «Бонжур, мадам». Она внимательно посмотрела на меня, широко улыбнулась и, протянув руку, сказала: «Бонжур, месье, как я рада вновь видеть вас!»

Да, да, она узнала меня, и когда я сейчас пишу об этом, то испытываю трудно передаваемое чувство радостной благодарности. Прабабушки и бабушки уже не было, но семейное дело продолжалось уже в третьем поколении, и в этой верности делу было что-то и необыкновенное, и трогательное, и вызывающее восхищение.

Мадам Биго по нашей просьбе стала рассказывать об истории этого славного кафе, и в какой-то момент, когда она вела нас по его залам, высоченный Иван ударился головой о низкую балку перехода.

– О! – воскликнула мадам Биго, – совсем как Карл VIII!

К вашему сведению: король Франции Карл VIII, пожелав показать своей супруге самый лучший вид из замка Амбуаз на Луару, повел ее по коридору и по пути ударился головой о низкую притолоку. Поначалу казалось, что не произошло ничего страшного, но через несколько часов король занемог и умер на следующий день. Произошло это 7 апреля 1498 года. Позвольте вопрос: много ли, на ваш взгляд, хозяев кафе, кондитерских и булочных, которые бы нашли подобную параллель? Вы скажете мне, что мадам Биго, возможно, большой любитель истории? Или что она специально выучила некоторые факты, чтобы поразить ими воображение посетителей? И я отвечаю вам: нет, дело совершенно в другом. Помните, я обратил ваше внимание на то, что для французов история жива? И это вовсе не потому, что так блестяще преподают ее в школах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.